

УДК 82-31 (574)

МРНТИ 17.82.31

DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2026.102(2).12

Умарова Г.С., Яковлева А.Г.

Западно-Казахстанский университет имени Махамбета Утемисова
Уральск, Казахстан

Автор-корреспондент: umarova_1959@mail.ru

E-mail: umarova_1959@mail.ru yakovlevaa702@gmail.com

СИМВОЛИКА ЛУНЫ В РОМАНЕ «АЙ МЕН АЙША» / «ЛУНА И АЙША» Ш. МУРТАЗЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию внесюжетного элемента Луны в романе Шерхана Муртазы «Ай мен Айша» / «Луна и Айша» с точки зрения его символической функции и мифопоэтической значимости. В центре внимания – связь образа Луны с мифологическим мировосприятием казахского народа, восходящим к общетюркской традиции. На основе анализа текста выявляется, что Луна выступает не только как атмосферная деталь, формирующая эмоциональный фон, но и как символ, обладающий сакральным смыслом и отражающий циклическое восприятие времени и бытия. Особое внимание уделяется сопоставлению мифологических представлений о Луне с её художественным воплощением в произведении. Символика Луны интерпретируется как инструмент выражения национального самосознания, внутреннего мира героев и глубинных культурных кодов. Полученные результаты могут быть полезны при дальнейших исследованиях мифопоэтики тюркской литературы.

Ключевые слова: Шерхан Муртаза; внесюжетный элемент; символика Луны; тюркская мифология; казахская литература; мифопоэтика; национальное сознание; художественный образ; сакральное пространство; цикличность; интертекстуальность; художественное время; культурный код; духовные традиции.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется возрастающим интересом к мифопоэтике тюркской литературы, в частности, к анализу внесюжетных элементов, выполняющих не только композиционную, но и символическую функцию. В этом контексте роман Шерхана Муртазы (1932-2018) «Ай мен Айша» / «Луна и Айша» представляет собой яркий образец художественного текста, в котором образ Луны занимает особое место как носитель культурных и философских смыслов, восходящих к тюркской мифологии. Обращение к этому произведению позволяет глубже понять особенности национального мировосприятия, отражённые в казахской художественной традиции.

Проблема исследования заключается в малом количестве исследований символических и мифологических функций внесюжетных элементов в современном казахском романе. Так, до сих пор в научной литературе не получило должного освещения то, как образ Луны в романе Муртазы функционирует как связующее звено между повествовательной структурой и мифологическим сознанием.

Гипотеза исследования заключается в том, что образ Луны в романе «Ай мен Айша» выполняет не только эстетическую функцию, формируя эмоциональную

атмосферу повествования, но и представляет собой мифопоэтический символ, отражающий цикличность времени, сакральность пространства и национальную идентичность героев.

Цель настоящей работы – проанализировать образ Луны в романе Ш. Муртазы сквозь призму его мифопоэтической функции, выявить его символическое значение и проследить связь с тюркской мифологической традицией.

Научная значимость исследования заключается в попытке комплексного анализа внесюжетного элемента Луны как символа в контексте казахского прозаического текста. Полученные результаты могут внести вклад в развитие теории мифопоэтики и расширить представления о роли символов в национальной художественной системе.

Материалы и методы исследования

В качестве основного исследовательского материала в данной работе рассматривается роман казахского писателя Шерхана Муртазы «Ай мен Айша» / «Луна и Айша», в котором анализируется символика Луны в художественном и культурном контекстах. Выбор произведения обусловлен высокой степенью концентрации символических и мифопоэтических элементов, связанных с образом Луны, а также значимостью текста в рамках казахской литературы второй половины XX века, отражающей трагические страницы истории народа.

Методологическую основу исследования составляют принципы комплексного литературоведческого анализа, включающего следующие методы:

1. Семантико-символический анализ, направленный на выявление значений и функций образа Луны в текстовой структуре повести. Рассматриваются лексические единицы, ассоциативные ряды, повторы, а также контекстуальная нагрузка символа в ключевых эпизодах произведения.

2. Мифопоэтический метод, позволяющий интерпретировать лунный образ сквозь призму мифологических представлений, устойчивых в казахской и тюркской культуре. Этот метод применяется для сопоставления художественного воплощения Луны в повести с архетипическими и фольклорными моделями, закреплёнными в этнокультурной традиции.

3. Культурологический подход, используемый для выявления связи между художественным текстом и коллективным историко-культурным опытом казахского народа. Образ Луны анализируется в контексте национального мировосприятия, культурной памяти, сакральных символов и традиционных обрядов.

4. Контекстуальный анализ, включающий рассмотрение повести в историко-литературном и социально-политическом контексте. Особое внимание уделяется отражению в произведении репрессий 1930-х годов, влиянию этих событий на формирование символической системы текста и авторской интенции.

Использование указанных методов позволило выявить многозначность образа Луны, его связь с тематикой трагедии, памяти, надежды и культурной идентичности. Такое сочетание подходов обеспечивает глубинное понимание структуры произведения и даёт возможность рассмотреть роман Шерхана Муртазы как важное звено в развитии национальной литературной традиции.

Результаты исследования

«Символ» как термин (греч. *symbolon* подразумевает «условный знак») появился впервые в античности. Им называли части разломанной дощечки, которые помогали её владельцам находить друг друга в любое время и в любом месте. В современной научной среде «символ» обозначает конкретные явления, предметы в переносном,

образном значении как их совмещающий знак. Он напоминает метафору, однако данная близость имеет условный характер. Понятие «символ» активно используется в ряде гуманитарных дисциплин - литературоведении, философии, культурологии, мифопоэтике, фольклористике, семиотике и лингвистике. Ю.М.Лотман рассматривает символ в контексте исторической динамики и текстовой функции, подчёркивая, что он обладает «культурной памятью» [1, с.76]. В двух временных измерениях может выступать символ. В первом – в диахронии. Здесь символ способен синтезировать память ушедших эпох. При этом он бережёт инвариантный смысл. Во втором – в синхронии. Тут символ приобретает возможность измениться, подстраиваясь под влияние актуальной культурной среды. Он восходит к архаическим представлениям, коренящимся в мифологической концептуализации мира [2, с.155].

Символ в структуре художественного текста выступает как знаковый элемент, способный передавать сложные концепты. В отличие от обыденного знака, символ несёт как денотативное, так и коннотативное значение, включающее философские, эстетические, культурные смыслы. Согласно Ю.М.Лотману, символ подразумевает элемент текста с внутренней семантической энергией, позволяющий множественные интерпретации [3, с.121].

Как средство выражения сложных идей, эмоциональных состояний и категорий, не поддающихся прямому описанию, понимается символ в современном литературоведении. Он расширяет смысловое пространство текста и активизирует диалог между автором и читателем. В исторической перспективе символ формировался в тесной связи с культурными и философскими контекстами разных эпох. В античности символ отличался прикладной ролью, функционируя как знак опознавания, позднее он начал использоваться для обозначения абстрактных понятий в мифологических и трагедийных текстах. В эпоху романтизма символ приобретает трансцендентное звучание и осмысливается как способ приобщения к высшим истинам, выходящим за пределы рационального познания. Авторы-романтики рассматривали символ как посредника между материальным и духовным мирами.

Наиболее субъективное наполнение, отражая индивидуальные чувства и философские поиски автора, получает символ в эпоху модернизма в искусстве и литературе. Таким образом, эволюция символа отражает движение от объективного к субъективному восприятию мира. Следовательно, символические структуры способствуют углублённому восприятию художественного текста. Символ выступает ключевым инструментом интерпретации, соединяя художественное с онтологическим, и обеспечивая целостное постижение художественного мира как формы отражения и освоения бытия.

Вследствие этого мы намерены рассмотреть роль символики Луны в романе «Ай мен Айша» («Луна и Айша») Ш.Муртазы.

Мифологическое сознание тюркских народов тесно связано с кочевым образом жизни и природным циклом [4]. Центральным элементом мифологического миропонимания является стремление человека познать окружающий мир через наблюдение за природными явлениями, прежде всего, небесными телами, как Луна и Солнце. Эти небесные светила воспринимались как важные символы, связанные с ритмами жизни, временем, судьбой и трансцендентными силами. Мифологическое мышление в тюркской культуре выражает борьбу с понятием смерти как с временной границей. В тенгрианстве это выражается через символическое мышление, где стремление к бессмертию и вечному возвращению ассоциируется с космическими

циклами, в частности, с фазами Луны, которая издавна воспринималась как символ обновления, перерождения и цикличности времени. Функционирование мифологии воспринимается как формы коллективной памяти и способа передачи знаний в устной культуре. До появления письменности миф был средством фиксации времени и истории, а Луна – одним из ключевых ориентиров в этой системе: по ней определяли фазы времени, обряды и сезонные циклы. Следовательно, символ Луны в тюркской мифологии выходит за рамки эстетического и приобретает сакральный, мировоззренческий характер.

В то же время Луна выступает как часть двойственного божественного начала. О том повествуется в фольклорной сказке «Дочь Луны и Солнца». Девушка, являющаяся «дочерью Луны и Солнца», символизирует гармонию двух начал – ночного и дневного, интуитивного и разумного, женского и мужского. Это отражает представление о целостности бытия, где Луна неразрывно связана с судьбой, вдохновением и сакральным знанием [4, с. 687].

Роль Луны в тюркских мифах частично освещена современными исследователями А.С.Иликаевым, Р.Г.Шариповым в аспекте литературоведческой проблемы «Параллели в лунарных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров». Авторами дается ссылка на поверье у башкирского народа начинать новое дело в дни зарождения Луны в фазе месяца, и что в состав имен детей включают часть «Ай»/Луна; обращаются к ней с просьбой принести удачу [5]. Подобное явление наблюдается в мирозерцании современных казахов.

Тюрки традиционно вели отсчёт времени по солнечным циклам и фазам луны. Исследователь Т.В. Муравьева отмечает, что башкиры считали растущую Луну благоприятным временем для начала важных дел, так как она приносила удачу. При появлении нового месяца произносили особую молитву с пожеланиями здоровья, благополучия и изобилия. Убывающую Луну связывали с избавлением от болезней и бед, сопровождая это словами изгнания зла. Среди башкир были популярны имена с корнем «ай» («Луна»), такие как Айбулат, Айнур и Айхылу, поскольку считалось, что Луна покровительствует их обладателям. Если человек с таким именем умирал, говорили, что оно оказалось ему «не по силам».

В эпосе «Урал-батыр» Айхылу, имя которой связано с Луной, была похищена, но в конце возвращается к Луне-матери. Лунные божества в урало-алтайской мифологии часто имеют хтонический (подземный) характер. В частности, у бурят Солнце и Луна оказались запертыми в сундуке Хозяина Земли, а освободить их помог мудрый ёж. Светила оказались упрятанной в сундуке старухой по мифу угров с Оби; Солнце и Луна обитают в подземном мире Эрлика (богу смерти) по мировосприятию древних саяно-алтайских тюрков. Лунный топор, заменяющий плеть, от верховного божества, становится подарком Эрлику.

Богиня Окон-тенгри в калмыцкой мифологии сочетает в себе лунарные и хтонические черты, несмотря на женский образ, её символика (осёл, чаша с кровью и др.) близка к образу Эрлика. Ей посвящён праздник Белого месяца. У хантов и манси Луна первоначально принадлежала подземному богу Куль-Отыру, но была украдена сыном небесного божества.

Луна как Тылзе, связанный с образом смерти, встречается в мифах марийцев. В одном сказании он отказывается помогать людям найти демона смерти, в другом – раскрывает его местоположение. В марийской мифологии Луна также участвует в сюжетах о гибели героев и их воскрешении с помощью Белой кобылы.

Сходные представления есть и в славянской мифологии: Луну связывали с загробным миром, смертью, иногда считали её творением дьявола из кусочка солнца. Однако славянские и балтские представления о Луне выглядят менее цельными, чем у тюркских и финно-угорских народов. Велес, в отличие от других богов, редко участвует в лунарных мифах. Местом обитания Чуф-Камуя, бога всех светил, считается Луна у айнов. Следовательно, не только ассоциацию с подземным миром и смертью, с мужским хтоническим божеством, но и со светлым началом, позитивным явлением, вылечивающим недуги и дающим дорогу новому делу вызывает Луна у тюрков, монгольских и восточно-финно-угорских этносов.

Исследователь Г.С.Умарова, один из авторов предлагаемой статьи соглашаясь с авторами из Уфы, утверждает, что подобное поверье сохранилось и в казахской культуре. Её бабушка, собрав вокруг внуков, читала молитву при виде молодой Луны-месяца, просила у нее благополучия всем живущим. Внукам ее сын Сидегали выбрал имена Ай-Болат, Ай-Жанна. В этом тоже видится поверье казахов в силу молодой Луны, способной одарить людей силой и волей, удачей.

Прежде всего представим современному русскоязычному читателю казахского писателя Шерхана Муртазу, автора романа «Ай мен Айша» / «Луна и Айша». Он известен романами «Қара маржан» / «Черный коралл», «Қызыл жебе» / «Красная стрела», посвященный памяти Турара Рыскулова, пьесой «Сталинге хат» / «Письмо Сталину», повестью «Табылған теңіз» / «Найденное море», «Бұлтсыз найзағай» / «Безоблачная молния», «Белгісіз солдаттың баласы» / «Сын неизвестного солдата», «Мылтықсыз майдан» / «Фронт без оружия» [7, с.380-381] и многих других литературных шедевров.

Первые опыты писательского пера Шерхана Муртазы приходятся на студенческие годы с перевода на казахский язык произведений Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» и Мустая Карима «Радость нашего дома». Первый сборник очерков автор выпустил под названием «Құрылысшы Даку» / «Даку строитель». «Автором особого назначения» называет Шерхана Муртазу исследователь Зарина Москау, отмечая точные «метафоры, эпитеты, сочность сравнений», присущие художественной парадигме писателя [8].

Детство писателя пришлось на трагические годы репрессий в Казахстане в 30-40-е годы двадцатого столетия. Его отец был безвинно обвинен и отправлен в колымские лагеря, пропал без вести. Воспитанием сына и других детей занималась его мать Айша. Роман «Ай мен Айша» / «Луна и Айша» является автобиографичным произведением.

Автобиографичность как особые черты поэтики его художественных произведений выделялась, в частности, в сюжетах романов, пьес. Среди жизненных событий, включенных в основную сюжетную канву, можно выделить события из детства писателя. По словам самого писателя, детство, самое трудное время его жизни, пришлось в жестокое время, связанное с политическими катаклизмами начала двадцатого столетия. Ш.Муртаза говорил о том, что в то время из родившихся одного миллиона детей выживало только в лучшем случае тысяча. Были огромные потери, от голода и черной оспы умирали и взрослые, и совсем маленькие дети. Первых троих детей мать писателя Айша и отец Муртаза потеряли: дети умерли от оспы. Четвертым родился Шери, то есть Шерхан Муртаза, который также прошел этот сложный путь, но его душа была спасена, и он пошел на поправку. Но на этом вся боль, которую пережила семья, не закончилась. Через пять лет, повзрослевший Шерхан Муртаза увидел перед глазами страшную и жестокую картину, которая разделила его жизнь, заменив спокойную, беззаботную, на полную горечи, страданий. В один из декабрьских дней

пришли люди в штатском и увели его отца, арестовали, обрекли семью на гибель, все трудности семейной жизни ввалились на плечи Айши, матери Шерхана Муртазы. Своей матери позже автор посвятит роман под названием «Ай мен Айша» / «Луна и Айша».

Рассуждая об особенностях творчества Ш.Муртазы, вспомним слова Эрнеста Хемингуэя, – пишет исследователь А.Альжан в статье «Бір кем дүние» / «Этот неполноценный мир» [Перевод – Г.У., А.Я.]. Хемингуэй считал, что на творчество писателя оказывает плодотворное влияние опыт, полученный от различного рода трудностей несчастного детства. На его основе у серьезного писателя зарождаются новые идеи, дополнительные сюжеты. А.Альжан пишет, что к таким писателям относится и Ш.Муртаза. Он из тех детей, прочувствовавший и испытавший в жизни голод, бедность в послереволюционные годы, нищету во время жестокой войны. Эти переживания и впечатления он сумел сохранить в уголке своего детского сердца, «в уголке своего разума, затем, став взрослым, воплотил их в жизнь, в ни с чем не сравнимые миры, от которых зависела судьба ребенка. Среди таких произведений «Луна и Айша» [9]. Оно отличается тем, что через весь роман образ Луны в разном периоде своего развития сопровождает повествование главного героя о своей судьбе.

Попробуем осветить символическую функцию Луны в поэтике романа «Луна и Айша», сыгравшего немаловажную роль в жизни ребенка, главного героя. Символическим элементом в романе «Луна и Айша», выступает образ Луны, к которому часто обращается герой-ребенок в различные свои психологические моменты жизни. Луна (Ай) в тюркской мифологии, по А.С.Иликаеву и Р.Г.Шарипову, олицетворяет женское начало, материнство или деву, охранительную силу, чаще воспринимающиеся как символ *«мягкости и таинственной силы»* [5, с. 154]. Это символическое значение напрямую отражено в образе Айши – матери главного героя романа «Ай мен Айша». Айша не только имя героини, но и сама она выступает как земное воплощение «Ай» – Луны. Её образ окружён ореолом жертвенности, духовной чистоты, интуитивной силы. В судьбе Айши читатель видит женскую стойкость и защиту ребёнка в условиях исторической и личной трагедии – то, что мифологическая Луна символически обеспечивает в обрядах инициации и материнства.

Функция Луны акцентируется особенно в ритуалах очищения, связанных с женскими обрядами: «Образ Луны сопровождал девичьи посвящения, обряды очищения, родильные ритуалы». В романе это находит отражение в сценах, связанных с духовными испытаниями Айши, в первую очередь, её изгнание, утраты и страдания. Айша как персонаж проходит через символическое очищение страданием – метафора сакрального ритуала с главной ролью женской фигуры Луны. Через этот путь она сохраняет не только себя, но и духовное будущее своего сына.

В отдельных этнических группах Луна воспринималась как прародительница, связанная с происхождением и тотемизмом. В романе тема памяти рода и преемственности выражена через связь мальчика и его матери, через рассказ о семье, предках, и глубокой связи с родной землёй. Луна в культурном подтексте становится связующим звеном между поколениями. Образ Луны как вечного светила, наблюдающего за судьбами рода, выделяет мотив исторической и личной памяти, сквозь которую ребёнок постигает свой путь.

Луна, по А.С.Иликаеву и Р.Г.Шарипову, воплощает скрытое знание и сакральную реальность. Айша в романе – носительница такого знания. Она видит больше, чем позволяют обстоятельства: интуитивно чувствует опасность, тяготеет к сакральному

восприятию мира. Роль Луны здесь реализуется как проводника между видимым и скрытым, между земной реальностью и высшей истиной, что полностью соответствует мифологическому архетипу.

Луна в тюркской мифологии связана не только с женственностью, но и с ночью, изменчивостью, тайной и печалью. Авторами статьи это подчёркивается как устойчивый мифологический мотив. Данный аспект особенно ярко выражен в эмоциональной атмосфере романа. Луна, возникающая в описаниях ночей, символизирует тоску, одиночество, молчаливую боль. Айша нередко изображается в тишине ночи, её образ сопровождается лунным светом как символом внутренней скорби и невыразимой утраты.

Следовательно, роман «Ай мен Айша» реализует ключевые мифологемы тюркского образа Луны, раскрытые в статье А.С.Иликаева и Р.Г. Шарипова. Луна выступает как архетипический символ женственности, материнства, сакрального знания, памяти рода и духовного очищения, одновременно сохраняя связь с мифопоэтическим сознанием. Айша – героиня, не просто являющаяся носителем символа, но и его художественное воплощение, благодаря которому роман обретает мифологическую глубину и универсальность.

Поэтика образа Луны в романе «Ай мен Айша» («Луна и Айша») казахского писателя Шерхана Муртазы находится в тесной взаимосвязи с мифологическим мировосприятием казахского народа как неотъемлемой частью тюркской мифологической традиции. В тюркской мифологии Луна рассматривается как божество, сотворённое Тенгри после появления первого божества – Солнца. Каждое из этих небесных тел наделено определённым временем действия: Солнце восходит каждое утро, обретает силу, согревает живые существа, наполняет мир светом, после чего ослабевает и приближается к западу – пространству, ассоциируемому с царством Эркилига, символизирующим границу между мирами живых и мёртвых. Луна, напротив, появляется на востоке и господствует в вечернее и ночное время суток. Её движение с востока на запад сопровождается символическим «оставлением тела», после чего она перерождается и вновь рождается на противоположной стороне. Подобную космогоническую картину мира представляет тюркская мифология, в частности, миф «Луна и Солнце» [10]. Согласно воззрениям древних тюрков, Луна, как и в славянской традиции, оказывает влияние на судьбы людей. В романе Ш. Муртазы образ Луны имеет фазы, которые влияют на судьбу главных героев в определенное время. Так, состояние улыбающейся Луны введено автором в главе под названием «Предутренний рассвет». Улыбающаяся Луна, мягкий лунный свет влияют на то, каким будет утро. В данной главе рассказывается о детстве повествователя и о его наблюдениях: *«Говорят, есть люди, которые помнят, при каком свете они родились, первые мгновения жизни, как только появились на свет»*. Он слышал рассказ одних о своем первом восприятии окружающего мира только в пурпурно-красном цвете. Себя герой не относит к таким «сообразительным малым», так как ничего подобного не помнит. Первые три-четыре года своей жизни он помнит смутно. По логике его рассуждений, в этом возрасте мальчик был несамостоятельным. Свои умозаключения о далеком детстве повествователь ассоциирует с образом любимой бабушки (Айне апа), которая часто носила его на своей спине. В результате таких сцен воспоминаний приходит к выводу, что он был, видимо, младенцем, не умеющим *«еще бегать самостоятельно»* [11, с.8].

По пониманию Барсхана, главного героя, существуют люди, помнящие, какой был свет при их рождении. Но главный герой жалеет о том, что у него нет таких

воспоминаний о своем рождении, о детстве. Значимым в его детстве для Барсхана было понимание важного значения Луны в жизни человека.

Описание образа полной Луны считается ключевым в романе. В воспоминаниях героя эта ночь связана с детскими играми и восхищением красотой природы. Он описывает мороз, снежные вершины и тучи, которые, казавшиеся птицами, нависают над горами. Однако центральным событием, описанным в отрывке, является трагическая ситуация, произошедшая в тот вечер. Барсхан, играя с детьми, подвергся травме из-за сильного мороза – у него отмерзли уши, и мать, Айша, случайно поранила его, дернув за ухо. Этот эпизод заканчивается криком и вмешательством отца, Муртазы.

События ночи приобретают драматичный поворот, когда Муртаза, после истории с сыном, был уведен неизвестными людьми. Семья сталкивается с утратой отца, что становится поворотным моментом в жизни героя. Айша в отчаянии молится, обращаясь к Всевышнему, и Барсхан осознает, что теперь ему предстоит жить без отцовской защиты. Луна, как символ невозвратности изменений, скрывается за тучами, и наступает «первая ночь сиротства». Этот момент символизирует утрату стабильности и переход в новое, трагичное состояние жизни героя, что глубоко изменяет его восприятие окружающего мира.

Внесюжетный элемент Луна в этом эпизоде романа как символ благополучия семьи, беззаботной жизни ребёнка. Случилась трагедия – без суда и следствия отца лишают свободы, насильно уводят из семьи и в воображении ребёнка Барсхана даже Луна содрогнулась от такого страшного события, и поэтому она «словно перевернулась», скрылась, заставив мальчика «мигом повзрослеть». Мальчику кажется, что Луна, скрывшись за тучи, дала понять ему о наступлении «первой ночи сиротства». Причем Луна влияет не только на жизнь ребенка, как ему кажется, но и на всех людей аула. В рассмотренном эпизоде романа образ Луны обладает достаточной степенью самостоятельности, обогащая особую композицию, стилистическую окраску в произведении, служит дополнительной характеристикой образа-персонажа, способствуя развитию сюжета. Луна в романе «Ай мен Айша» отображает психологическое состояние ребенка, способствует передаче состояния его внутренних переживаний.

Важно отметить связь образа Луны в романе Муртазы с тюркской мифологией. Внесюжетный элемент Луна выступает в роли символа борьбы между добрыми и злыми духами в главе «Забота о трех козах». Рассказывается о том, как Луну перекрыли злые духи и лишили семью Айши пропитания. В 1943 году в Жуалы была самая суровая зима, бураны шли в течение 6 дней, на седьмой день начали немного затихать. Корм для трех коз кончился, не было сена, козы кричали и жалобно выли от голода. Было состояние безысходности. Луна всем своим видом показывала это. *«Она слабо светила, была печальна»*, пыталась выразить свое сопереживание Айше и освещала путь во время похода Барсхана и Айши за сеном. Своим светом и печальным видом Луна вселяла в Айшу надежду на то, что Тасбет не узнает о воровстве и не посадит Айшу. В свою очередь, Барсхана успокаивали мысли о лете, они помогали ему верить в то, что все сложится хорошо и они с Айшой не пострадают. В этой главе появляется противопоставление образу Луны. Это затемненное небо и буран. Автор особое внимание уделяет злым духам и теме смерти. Для автора буран является злым духом, который окутал весь аул в белый саван, он также вселился в коз и пытается лишить их жизни. Несмотря на это мальчику чудится, что Луна наделена силами, способными помочь козам выжить, несмотря на риск, совершенный Айшой и Барсханом.

Все вышеперечисленное доказывает, насколько трудно Айше без Муртазы. В главе «Старуха Камка» повествуется о том, как Луна отражает состояние Айши в период потери Муртазы, отсутствия еды и спокойной жизни. Айша сносит все тяготы жизни, каждое утро уходит работать в поле, терпит оскорбления бригадира Тасбета. Единственный источник пропитания семьи – черная коза. В один вечер она не вернулась с пастбища. На протяжении долгого времени Айша и Барсхан пытались её найти, но все попытки были тщетны. Ребёнку-повествователю кажется, что Луна способна оказывать в определенных своих фазах различную помощь людям. В главе об истории с главной кормилицей семьи козой Луна выступает в двух состояниях. Во время пропажи козы Луна в состоянии полумесяца, а когда черная коза окотилась, она стала половинчатой и яркой. Для Айши Луна становится собеседником, небесным светилом, которое, как считает Айша, знает ответы на все вопросы. Когда происходят трудности, она всегда спрашивает у Луны причину той или иной проблемы, так как считает, что это небесное светило напрямую связано со случившимся.

В романе «Ай мен Айша» с Луной автор олицетворяет одного из персонажей, который появляется в главе под названием «Камка». Этим персонажем является сама Камка – старуха-инвалид, оставшаяся без ног. Несмотря на то, что старуха очень плохо видит, не может передвигаться, именно она увидела вдалеке, в кустах таволги, движущуюся козу и отправила Барсхана посмотреть. Теперь для Айши Камка аже и Луна – явления одного уровня. Это два священных светила, которые связаны с добрыми духами и могут помочь в решении трудностей. Несмотря на это, Айша при разговоре с Барсханом приходит к выводу о том, какими бы сильными не были Камка и Луна, они не могут бороться с демонами Сталина и спасти Мусу и Муртазу.

Луна для главного подрастающего героя выступает путеводителем, ведущей по жизни звездой недостижимой, и в то же время надежным единственным другом, кому можно доверять свои сокровенные думы. Следовательно, основными фазами Луны, встречающимися в романе, являются: Луна-мать и советчик, засыпающая Луна, полная Луна, улыбающаяся Луна и быстротечная Луна. Автор наделяет небесное светило человеческими качествами и олицетворяет его с матерью, Айшой. Если на небе для главного героя Барсхана центром Вселенной становится Луна, то на земле центром Вселенной становится Айша, его мать. Небесное светило в романе выступает в роли полноценного добродетельного персонажа.

Известно, что писатель Шерхан Муртаза был глубоко верующим человеком. Веру во Всевышнего автор передал через образ главного героя, пятилетнего мальчика Барсхана. Луна в романе не является ангелом, Луна – это полноправная богиня, которая может оберегать или, наоборот, устраивать испытания человеку. На страницах романа «Ай мен Айша» читатель знакомится с казахской картиной мира, традициями и обычаями народа. Казахскую картину мира отражает улыбающаяся фаза Луны. В частности, описывается негласная традиция, в согласии которой как почти каждый житель аула Мынбулак должен знать: при каком свете Луны он родился. По их мировосприятию, такое знание влияет на дальнейшую судьбу и на то, насколько успешно сложится жизнь человека. Заключительной фазой является фаза быстротечной Луны, выступающая в роли Зеркала и показывающая главному герою его первые чувства, и то, насколько они быстротечны, так как на следующий день девушка, в которую влюблен Барсхан, погибает.

Полагаем, что произведение «Луна и Айша» Ш.Муртазы представляет собой глубокое исследование темы столкновения культур и цивилизаций в контексте

современного мира. Луна в данном произведении играет роль не только символического элемента, но и ключевого мотива, который пронизывает всю сюжетную линию. Результаты нашего исследования показывают, что Луна в контексте романа выступает как символ трансцендентного, загадочного и недостижимого идеала, которого главные герои романа, Барсхан и Айша, пытаются достичь. Луна для них становится символом идеального мира, который они стремятся создать в своем взаимодействии. Она является источником вдохновения и мечты, который помогает им преодолевать трудности и разногласия.

Символическое значение Луны расширяется и на другие аспекты романа, в частности, на внутренний мир героев и их поиски истинного смысла жизни. Луна становится источником внутренней силы и пробуждает в них сознание своей индивидуальности и уникальности. Этот символический элемент придает роману глубину и философский оттенок, позволяя читателю ощутить суть внутреннего преображения главных героев.

Заключение

Образ Луны в романе «Ай мен Айша» Ш.Муртазы выступает значимым внесюжетным элементом, который не просто сопровождает повествование, но и формирует глубокое художественное и философское измерение произведения. Через символику Луны автор передаёт внутреннее состояние героя-ребёнка, его психологические переживания, формирующиеся на фоне трагических исторических событий. Луна становится зеркалом душевных потрясений и эмоциональных изменений, переживаемых героем в связи с утратой отца, лишениями, страхом, одиночеством и надеждой.

Образ Луны несёт в себе культурно-мифологическую нагрузку, отсылающую к тюркской традиции, в которой Луна наделена сакральным смыслом, связана с цикличностью жизни, перерождением, борьбой добра и зла. Эта мифологическая составляющая усиливает символическую значимость светила как силы, оказывающей влияние на судьбы героев. В конкретных эпизодах романа Луна «переворачивается», исчезает, тускнеет или, напротив, светит ярко – все эти метаморфозы отражают драматические изменения в жизни семьи Барсхана, а также эмоциональную трансформацию самого героя. Таким образом, Луна функционирует не только как метафорический и эмоциональный ориентир, но и как стилистически значимая категория, наделённая самостоятельной поэтической функцией.

Следовательно, символика Луны в романе «Ай мен Айша» обогащает композиционную структуру произведения, раскрывает внутренний мир персонажей, усиливает лиризм и трагизм повествования, демонстрируя, как поэтика внесюжетных элементов может стать ключом к пониманию авторского замысла, национального мировосприятия и культурной памяти народа. Одновременно символика Луны у Ш.Муртазы – инструмент выражения национального самосознания.

Результаты исследования могут быть расширены при дальнейшем изучении мифопоэтики тюркской и казахской литературы, а также для углубленного освещения неповторимого художественного стиля Ш.Муртазы; использованы при чтении лекции по современной казахской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. – М.: Искусство, 1987. – 123 с.
- [2] Аверинцев С.С. Символ художественный. – М.: Искусство, 1968. – 161 с.

- [3] Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства. – СПб.: Искусство, 1998. – 221 с.
- [4] Голоса Сибири. Вып. 9. – Кемерово: Кузбассвузиздат, [б.г.]. – 132 с.
- [5] Иликаев А.С., Шарипов Р. Г. Параллели в лунарных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 5. – С. 26–41. – DOI: 10.7256/2454-0609.2023.5.43977. – EDN: XMZINY. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43977 (дата обращения: 20.02.2025).
- [6] Муравьева Т. Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 328 с.
- [7] Қазақ әдебиеті. Энциклопедиялық анықтамалық. – 381 с. – Архивная копия от 30.10.2016 на Wayback Machine.
- [8] Москвау З. Шерхан Муртаза – автор особого назначения. – 6 февр. 2023. – URL: <https://kazpravda.kz/n/sherhan-murtaza-avtor-osobogo-naznacheniya/>
- [9] Альжан А. Бір кем дүние... Памяти писателя Шерхана Муртазы. – 15 окт. 2018. – URL: <https://vlast.kz/avtory/29957-bir-kem-dnie.html>
- [10] Бисенбаев А. Мифы древних тюрков. – Алматы, 2007. – С. 41–42. – URL: <https://pps.kaznu.kz/kz/Main/FileShow/2722608/75/446/10922/%20%20%20%20%20%D0%90%D2%9B%D1%8B%D0%BC%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%95%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D2%B1%D0%BB%D1%8B/2017/1> (дата обращения: 18.03.2025).
- [11] Ай мен Айша / пер. с казах. Г. Нурбекқызы. – Астана: Аударма, 2009. – 488 с.

REFERENCES

- [1] Lotman Ju. M. Simvol v sisteme kul'tury. – M.: Iskustvo, 1987. – 123 s.
- [2] Averincev S. S. Simvol hudozhestvennyj. – M.: Iskustvo, 1968. – 161 s.
- [3] Lotman Ju. M. Problema hudozhestvennogo prostranstva. – SPb.: Iskustvo, 1998. – 221 s.
- [4] Golosa Sibiri. Vyp. 9. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, [b.g.]. - 132 s.
- [5] Ilikaev A. S., Sharipov R. G. Paralleli v lunarnyh mifakh tjurkov, mongol'skih narodov i vostochnyh finno-ugrov // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija. – 2023. – № 5. – S. 26–41. – DOI: 10.7256/2454-0609.2023.5.43977. – EDN: XMZINY. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43977 (data obrashhenija: 20.02.2025).
- [6] Murav'eva T. Mify Povolzh'ja. Ot Volch'ego vladyki i Mirovogo dreva do kul'ta zmej i pticy schast'ja. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2023. – 328 s.
- [7] Қазақ әдебиеті. Jenciklopedijalyқ анықтамалық. – 381 s. – Arhivnaja kopija ot 30.10.2016 na Wayback Machine.
- [8] Moskau Z. Sherhan Murtaza – avtor osobogo naznachenija. – 6 fevr. 2023. – URL: <https://kazpravda.kz/n/sherhan-murtaza-avtor-osobogo-naznacheniya/>
- [9] Al'zhan A. Bir kem dynie... Pamjati pisatelja Sherhana Murtazy. – 15 okt. 2018. – URL: <https://vlast.kz/avtory/29957-bir-kem-dnie.html>
- [10] Bisenbaev A. Mify drevnih tjurkov. – Almaty, 2007. – S. 41–42. – URL: <https://pps.kaznu.kz/kz/Main/FileShow/2722608/75/446/10922/%20%20%20%20%20%D0%90%D2%9B%D1%8B%D0%BC%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%95%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D2%B1%D0%BB%D1%8B/2017/1>

%B1%D0%B5%D0%BA%D2%B1%D0%BB%D1%8B/2017/1
18.03.2025).

(data obrashhenija:

[11] Aj men Ajsha / per. s kazah. G. Nurbekqyzy. – Astana: Audarma, 2009. – 488 s.

Умарова Г.С., Яковлева А.Г.

Ш. МҰРТАЗАНЫҢ «АЙ МЕН АЙША» РОМАНЫНДАҒЫ АЙ СИМВОЛИКАСЫ

Андатпа. Бұл мақалада Шерхан Мұртазаның «Ай мен Айша» / «Луна и Айша» романындағы Ай бейнесінің символдық қызметі мен мифопоэтикалық мәні зерттеледі. Зерттеу барысында Ай бейнесі қазақ халқының дүниетанымымен, түркілік мифологиялық дәстүрмен тығыз байланысты екені анықталады. Мәтінге талдау жасау арқылы Ай тек эмоционалдық фонды қалыптастыратын атмосфералық деталь ғана емес, сонымен қатар уақыт пен болмысты циклдік қабылдауды бейнелейтін қасиетті мағынасы бар символ ретінде көрініс табатыны дәлелденеді. Сондай-ақ Ай туралы мифологиялық ұғымдардың шығармадағы көркемдік бейнесімен сәйкестігіне назар аударылады. Ай символикасы ұлттық сананы, кейіпкерлердің ішкі дүниесін және мәдени кодтарды жеткізудің көркемдік құралы ретінде қарастырылады. Зерттеу нәтижелері түркі әдебиетінің мифопоэтикасын одан әрі зерделеу үшін пайдалы болуы мүмкін.

Кілт сөздер: Шерхан Мұртаза; внесюжеттік элемент; Ай символикасы; түркі мифологиясы; қазақ әдебиеті; мифопоэтика; ұлттық сана; көркем бейне; қасиетті кеңістік; циклдік қабылдау; интертекстуалдылық; көркем уақыт; мәдени код; рухани дәстүрлер.

Umarova Gulnar, Yakovleva Anastasia

SYMBOLISM OF THE MOON IN THE NOVEL «THE MOON AND AISHA» BY SH. MURTAZA

Annotation. This article is devoted to the study of the extratextual element of the Moon in the novel AY MEN AYSHA / THE MOON AND AYSHA by Sherkhan Murtaza, focusing on its symbolic function and mythopoetic significance. The main emphasis is placed on the connection between the image of the Moon and the mythological worldview of the Kazakh people, rooted in the common Turkic tradition. The textual analysis reveals that the Moon serves not only as an atmospheric detail that creates an emotional background, but also as a symbol imbued with sacred meaning, reflecting the cyclical perception of time and existence. Particular attention is paid to the comparison between mythological conceptions of the Moon and its artistic representation in the novel. The symbolism of the Moon is interpreted as a tool for expressing national identity, the inner world of the characters, and deep cultural codes. The findings may be useful for further research on the mythopoetics of Turkic literature.

Keywords: Sherkhan Murtaza; extratextual element; Moon symbolism; Turkic mythology; Kazakh literature; mythopoetics; national consciousness; artistic image; sacred space; cyclicity; intertextuality; artistic time; cultural code; spiritual traditions.